

ВЫСОКАЯ ЗВЕЗДА

(К 125-ЛЕТИЮ МАГЖАНА ЖУМБАБЕВА)

Он был ярк. Внешностью своей: густая курчавая шеvellюра, тонкие черты лица, гармоничное телосложение, изысканные манеры, хорошо поставленный голос, врожденный дар красноречия. Одевался со вкусом, имел летящую походку, которую еще более подчеркивала легкая крылатка. Словом, полностью соответствовал определению любимца Музы, данному Олжасом Сулейменовым: «Поэт красивым должен быть, как Бог...»

Недаром по свидетельству современников, ученицы школы им. А. С. Пушкина, находившейся на улице Пушкина в Петропавловске, а позже слушательницы педагогических курсов, педтехникума, где он преподавал, были поголовно влюблены в своего наставника, а выдающийся поэт Серебряного века Валерий Брюсов, у которого Магжан учился в Высшем литературно-художественном институте в Москве, называл его «казахским Пушкиным».

Прав был вдвойне глава русского символизма: Магжан был сродни Пушкину не только эффектным обликом, но и глубиной, размахом, темпераментом своего творчества. Уже в первой его книжке, изданной в Казани в 1912 году, когда автору было всего 19 лет, чувствуется масштаб и сила дарования юного поэта, которое впоследствии получило мощное развитие – благодаря неустанной работе души и перипетиям жизненного пути, вовлекшим выходца из степной глуши в водоворот исторических событий, на орбиты с высокой траекторией полета и с не менее крутым гибельным пике...

Магжан Жумабаев, родившийся 25 июня 1893 года в Полудинской волости Петропавловского уезда Акмолинской области, был третьим ребенком в семье богача, волостного управителя Бекена и его красави-

цы-жены Гульсим. Известно, что все семеро детей Жумабаевых и дети их детей были смелыми, деятельными и удивительно красивыми, но и судьба их в годы сталинщины вышла трагической. Впрочем, это скорее не исключение, а общее место – в таком же положении оказались миллионы, ставшие жертвами голодомора, чудовищных репрессий, преследований по классовому признаку.

Знатное происхождение и талант от природы на первых порах помогали Магжану в становлении на крыло.

Начала образования он получил от домашнего учителя в своем ауле, потом учился в казахско-татарском медресе в Петропавловске, в дальнейшем – в знаменитом медресе «Галия» в Уфе, где овладел арабским, персидским, турецким языками, опубликовал свои первые стихи. Особый этап в жизни Магжана – пребывание в стенах Омской учительской семинарии, которую за высокий уровень даваемого питомцам образования современники называли Сибирским университетом. Здесь он в полной мере окунулся в атмосферу русской и мировой культуры, сумел глубоко изучить и оценить наследие Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Фета, Байрона и Гёте, переводя их стихи на казахский язык.

Когда грянула Октябрьская революция, Магжан, поработав педагогом, организатором образования, журналистом, уже был в Москве – студентом Высшего литературно-художественного института, единственный среди однокашников представитель казахского народа и одновременно колоритная фигура наряду с такими будущими знаменитыми поэтами, как Михаил Светлов, Эдуард Багрицкий, на фоне нередко посещавших ВЛХИ и читавших там свои стихи Владимира Маяковского и Сергея Есенина. Сам ректор Валерий Яковлевич Брюсов высоко ценил поэтическую одаренность Магжана: «Это от природы... Плюс глубокие знания математики, музыки, изобразительного искусства» (слова, сказанные на выпускном вечере в присутствии Клары Цеткин, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского и других виднейших деятелей новой советской власти).

Многосторонние знания и литературный талант позволяли Магжану не только успешно учиться, но и параллельно работать в Центроиздате, где готовились в свет книги на разных языках, а также преподавать в Коммунистическом университете трудящихся Востока.

К этому времени он уже был автором фундаментального труда «Педагогика», изданного в Оренбурге, переводов на казахский М. Горького, Александра Блока, Гейне, Гёте, дореволюционных русских поэтов, а также писателей-современников – Вс. Иванова, Д. Мережковского, К. Бальмонта и других отечественных и зарубежных писателей.

За его спиной был солидный перечень заслуг по строительству новой жизни в казахской степи после установления советской власти. Окончив учительскую семинарию в Омске, Магжан по своей инициативе открывает там же и в Петропавловске курсы казахских учителей, становится их директором, преподает в педтехникуме, организует первую казахскую советскую газету в условиях «чехарды» властей времен гражданской войны, даже подвергается аресту, заточению в тюрьму. Позднее его приглашают в Ташкент преподавать в Казахско-киргизском институте просвещения, он много публикуется в газетах и журналах, выходящих на казахском языке («Акжол», «Сана», «Шолпан»), занимается исследованием творчества литературных предшественников – Бухара-жырау, Ахана Серэ, Абубакира Диваева, Бернияза Кулеева. Ему нет еще 30 лет, и кажется, что «звездная» полоса жизни, пришедшаяся на время великих преобразований, будет долгой и счастливой. К тому же он встретил после ряда любовных историй и трагической первой женитьбы девушку с поэтическим именем Зулейха, с которой соединил судьбу и которая стала его верной спутницей на дороге недолгих радостей и великих несчастий, хранительницей его памяти до запоздалого «второго рождения» имени и славы великого казахского поэта, которого ставят ныне в истории отечественной литературы рядом с самим Абаем.

В 1922 году выходит второй сборник стихов и поэм Магжана Жумабаева.

Это уже творения зрелого мастера, имеющего свой независимый, более того – остро критический взгляд на расклад вещей, будущее прогнившего насквозь мира.

Стихотворения и поэмы, вошедшие в сборник, по утверждению Жусупбека Аймаутова, содержали в себе элементы байронизма, но это время было такое, когда ломка всего отжившего, заостренного романтизм, замах на великие цели и дела. Дыхание новой эпохи чувствуется даже в произведениях об историческом прошлом – «Батыр Баян», «Кобыз Койлыбая», «Коркыт», что уж говорить о темах и мотивах наступившего грозного дня!

*Скакун и невеста и мать не удержат
Мятежную душу, коль манит свобода!*

Подобная устремленность быть наравне и даже чуть впереди запросов раскрепостившего сознание и силы века была характерна и для поэзии тех лет у Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Валерия Брюсова. А Магжан своей второй книгой обещал явить не только своим соплеменникам, но и более широкому читателю новой огромной страны – конгломерата под названием Советский Союз взлеты поэтического духа, не менее высокие, нежели у этих его знаменитых современников.

К сожалению, уже к концу двадцатых годов минувшего века Союз вроде бы свободных, равноправных советских республик стал приобретать великодержавные, имперские черты, соответственно, сформировалась и психология центра, нашедшая свое чудовищное выражение в сталинизме. И искренние, от души идущие заявления казахского поэта о начале противоборства Востока и Запада, о моральном превосходстве выработанных веками ценностей, которыми вооружился совершивший крутой поворот в своей судьбе революционный

народ бывшей царской России, были восприняты охранителями нового режима как крамольные, более того – идущие вразрез с политикой государства, поднявшего над планетой знамя пролетарского интернационализма.

«В литературной энциклопедии (Том IV, Москва, 1930 г.), – пишет в своей статье «Великий поэт мировой культуры» Б. Канапьянов (журнал «Нива», № 6 за 2003 г.), – мы читаем страшную правду – донос на поэта, который к тому времени уже больше года сидел в лагере: «Ярый националист по политическим убеждениям. После Октябрьской революции М. Жумабаев становится ярким пантюркистом. Спасение казахского народа видит в объединении всех тюркских народностей всего Востока, против Октябрьской революции и Запада. Всё творчество М. Жумабаева носит сугубо политический характер. Освободить и облагородить казахский народ должна буржуазная интеллигенция. Покорить ненавистный Запад идет поэт – пророк Востока: «Я иду, я иду, я иду, сын Солнца – огня, потомок славных гуннов. Я – пророк. Ты, Запад, жди меня и заучивай свою повинную молитву».

Насколько эта и подобные ей фальшивки, состряпанные в недрах карательных органов новой империи, передергивают, до неузнаваемости искажают подлинное содержание творчества Магжана, можно судить хотя бы по его стихотворению «Восток».

*Мой Восток остроглазый,
Что молчишь, как безгласный,
Богатырь, Великан?
Глянь на эти кошмары –
Блуд, кровавые свары
В стане западных стран.*

*Все исчадьё заката,
Гроном бойни объято.
Разум там позабыт.
Запад, полный дерзания,
Богом сделавший знания,
Знаьем этим убит...*

*...Богатырь остроглазый,
Встань и ринемся разом
Силой всею туда.
Развернем наши флаги
И на крыльях отваги
В их влетим города.*

*Выйдет стан их – кострами,
А их дети – рабами...
Нет, Восток мой, очнись:
Пожалею, приветим
И заблудшим их детям
Добротой скрасим жизнь.*

*С небесами их сдружим
И беспутные души
Повернем на восток.
Пусть ласкает им взгляды
Утром полный отрады
Света алый поток...*

*...Эй ты, Запад недюжий,
Застышь путь почему же
Мне ты, детище тьмы?
Стань мудрей и скромнее,
Жизнь уважить умея –
Вот так сблизимся мы.*

(перевод В. Антонова)

По поводу злосчастий, постигших Магжана в самом расцвете его поэтической и человеческой судьбы, выдающийся казахский поэт Кадыр Мырза-Али (Кадыр Мурзалиев) написал: «Зачем далеко искать врагов? Сами мысли, сами чувства выдают его с поличным. И самое обидное – выдают-то не злой умысел, не хитрость, не враждебность обществу, а совсем наоборот – первозданную чистоту, правоту, невинность, чистейшую любовь к человеку, родине, людям. Нетрудно было все это перевернуть, и стихи, полные возвышенных и земных чувств, превратить в сладострастие; рожденные любовью к своему народу сочные творения – в национализм или, если угодно, в пантюркизм; направленные против колониализма, полные гневной горечи строфы – в антирусское выступление;

пронизанные печалью и страданием стихи о смерти – в отрешённость и пессимизм. В тридцатые же годы одного пункта одного вопроса из перечисленных выше было предоставлено, чтобы уничтожить человека».

И Магжана Жумабаева, как и сотни тысяч ни в чем неповинных жертв сталинских репрессий, уничтожили, предварительно вымотав тело и душу, заставив забыть, что ты не только поэт, творец, в своих возвышениях равный богу, но и просто живой человек, имеющий право на честь и достоинство.

Первый арест Магжана произошел в 1929 году. Он к тому времени возвратился после учебы в Москве в родной край, активно включился в просвещенческую и литературную работу, даже преподавал в совпартшколе – русский язык казахам, а казахский русским. Естественно, писал стихи, в которых в полной мере раскрылся его художественный талант, интеллект аналитика происходящих процессов, мыслителя, поднимающегося до глобальных обобщений.

Вот это-то и привлекло к поэту пристальное внимание карательных органов.

В стихах поэта углядели явное инакомыслие, противоречие марксистскому мировоззрению, которые якобы продиктовали Магжану враждебные действия по отношению к советскому режиму.

Припомнили то, что в начале 20-х он состоял в партии «Алаш», был участником съездов по организации казахской автономии. Постановлением коллегии ОГПУ от 4.04.1930

года М. Жумабаев был осужден по статье 58-II и 58-10 УК РСФСР на 10 лет лагерей. За «создание в Ташкенте подпольной контрреволюционной организации», которой на самом деле никогда не было.

Пройдя Бутырскую тюрьму в Москве, затем отбывая срок в Карелии и Архангельской области, поэт свято верил, что произошла ошибка, и его скоро освободят. В 1934 году он пишет письмо М. Горькому и Е. Пешковой, с которыми был лично знаком и пользовался их расположением. Письмо это было доставлено Зулейхой Жумабаевой, которая все годы заточения мужа неумолимо отстаивала его невинность, ездила по местам заключения и всячески поддерживала Магжана все годы заключения, выпавших на его долю.

Благодаря ходатайству Екатерины Павловны Пешковой ВЦИК СССР сократил срок заключения до семи лет и 2 июня 1936 года поэт вышел на свободу, но уже через полтора года он был вновь арестован и осужден по статьям 58-6 (шпионаж) и 58-11 (организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений и равно участие в антисоветской организации). По совокупности обвинений за это полагался расстрел, что и произошло 19 марта 1938 года.

Все последние 10 лет своей жизни поэт находился под прессом чудовищных метаморфоз, постигших его и убивавших физически и морально.

«Находясь в лагерях Соловецких и Свирских в течение семи лет, у меня примерно с 1931 года появилось полное безразличие к своему прошлому», – писал Магжан. Даже полтора года «свободы» после первой отсидки оказались для него временем тяжелейших испытаний.

Сайфи Кудаш, народный писатель Башкирии, соученик Магжана в 1909–1910 гг. по медресе «Галия» в Уфе пишет об этом периоде жизни поэта: «Магжан возвращается в г. Петропавловск, и на первых порах ему оказывает дружескую поддержку (в т. ч. материальную) С. Сейфуллин. В Петропавловске Жумабаев работает преподавателем в техникуме. Здесь он встречается с С. Муқановым – од-

ним из руководителей Казахской писательской организации – и после разговора с ним пишет заявление с просьбой принять его в Союз советских писателей. В заявлении он пишет: «От чистого сердца буду служить советской литературе».

В ответ С. Муканов пишет письмо, в котором сообщает, что вопрос о принятии Жумабаева в ССП может быть рассмотрен, когда появятся новые его произведения. В этом же письме сообщалось, что условия для творческой работы ему будут созданы».

Далее начинается травля. «Из техникума его увольняют, – продолжает рассказ С. Кудаш – как «неблагонадежного». Он идет работать в школу, но вскоре «алашординца» выгоняют и оттуда. Он решает переехать в Алма-Ату поближе к творческим организациям и поступает там работать в краеведческий музей, но остается там недолго: не успел привыкнуть к новой работе, как его снова уволили. Не рассчитывая устроиться в Алма-Ате, он отправляется зав. медпунктом (в годы лагерей Магжан самостоятельно выучился на фельдшера – прим. Г. О.) в один из колхозов Алма-Атинской области. Но вести о неблагонадежности доходят и сюда, и он лишается работы. И все это на протяжении одного-полутора лет. Не похоже ли это на чью-то злую волю? Весьма похоже. Но, несмотря на свое положение и, надо полагать, смятенное душевное состояние, он пишет стихи... Но где же они? Они были переданы руководителям Союза писателей Казахстана, но гибнут где-то в недрах Союза... Травля, гонение, издевательства со стороны наследников КазАППа принимают такие формы, что М. Жумабаев пытается покончить самоубийством и только случайно остается живым. 30 декабря 1937 года его вновь арестовывают. Аресту, по рассказам его жены, предшествовали вызовы в НКВД, глубокие раздумья Магжана и бессонные ночи, попытки по телефону о чем-то поговорить с одним в последствии очень крупным казахским писателем – тоже бывшим алашординцем. Уходя навсегда из дома, арестованный М. Жумабаев уже у дверей сказал больной жене: «Я не прощаюсь... Ты знаешь сама, что никакого преступления против Советской власти и казахского народа я не совершал. Однако, если я не вернусь, то поймешь, что «волчонок» съел

«волчицу». Запомни это!» С тех пор Магжан Жумабаев исчез навсегда.

«Такова была судьба «волчицы». А «волчонок»? – задается вопросом С. Кудаш. – Кем бы он ни был и как бы впоследствии ни старался еще более опорочить М. Жумабаева, в этой истории для нас ясно одно: второй арест Магжана, по крайней мере не в последнюю очередь, обусловлен тем недоверием и борьбой, которые имели место в казахской писательской среде».

Приводим столь пространный отрывок из письма Сайфи Кудаша руководству Казахстана уже в 60-е годы, когда 10 лет как состоялась официальная реабилитация безвинно казненного великого сына Степи, чтобы подчеркнуть гнетущую атмосферу заградного молчания, более того – запрета вокруг имени Магжана и его наследия вплоть до последних лет существования Советского Союза.

Лишь в 1989 году наконец-то вышел однотомник избранных произведений Магжана, спустя 30 лет после его политической реабилитации!

И вдова поэта Зулейха, все 60 лет с момента первого ареста мужественно делившая с Магжаном и прижизненные мучения, и послежизненное забвение, наконец-то успела перед кончиной поддержать в руках книгу, достойную жизни и памяти ее супруга.

Так чего больше в трагедии Магжана – злодеяний сталинского режима или козней пресловутой цеховой среды? И то и другое – порождение страшного времени, ничего общего не имевшего с мечтами о братстве, равенстве, свободе, которые провозгласила Октябрьская революция. Чистая душа поэта жаждала Идеала, а столкнулась с низостью, черной завистью, приспособленчеством тех, с кем мечталось построить светлый дом Счастья. Ради этого Магжан был готов на все:

*Слышишь, судьба, не хочу подаяний!
Полною мерой отмерь мне страданий
Жги на огне, в три погибели гни!
Если народ разбужу я стихами,
Горе отступит, и жаркое пламя
Высушит слезы, к чему мне они.*

(перевод В. Антонова)

При жизни поэт испытал бездну страданий. Запоздалое признание, возможно, пришло только теперь. Торжественно отмечены 100-летие, 110-летие, не менее широко отведут и 125-летие. Поставлены памятники Магжану, район, где он родился, назван его именем, крупными тиражами изданы его произведения, написаны и защищены диссертации, школьники знают его по хрестоматиям, студенты – по вузовским программам. Эстеты размышляют, на примере Магжана, о таких тонких категориях, как судьбы поэтов и поэты судьбы.

Думая о Магжане, которого многие называют казахским Есениным (а он действительно и внешне, и своим творчеством похож на российско-го гения, да и возрастом они почти сверстники), приходится сожалеть, что мало было ему отведено для реализации природой данного незаурядного таланта, вообще его широкой, многогранной личности, распахнутой людям, человечеству в целом, добру и свету.

*Моя мечта – с народом вместе быть,
Расцветшей жизни песнею служить.
И кровь пролить, без сожаленья жизнь
Отдать, коль надо, лучшей из Отчизн.*

(«Моему перу»)

Отчизна принесла в жертву Молоху истории одного из прекрасных своих сыновей, современники усугубили горечь его земного существования. Остается надеяться, что новые поколения по достоинству оценят поэта, а его пламенные стихи найдут дорогу к открытым красоте сердцам.

Георгий ОЛЕНИН

АННОТАЦИЯ ○

Георгий Олениннің мақаласы биыл 125 жылдығы тойланып отырған Мағжан Жұмабаевтың өмірі мен шығармашылығына арналған.

Мақалада сөзден маржан тізіп, сұлу жырымен оқырман жүрегін баураған ақынның қайғы мен қасіретке толы өмір жолы жайында сөз болады.